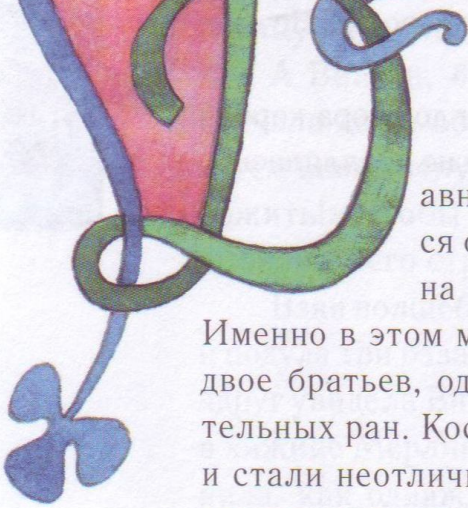

ЛАНСЕЛОТ И ЭЛЕЙН

авным-давно, когда Артур ещё не был коронован, погнался он как-то в лесной чаще за оленем. И привёл его олень на высокий утёс, вздымающийся над тёмным озером. Именно в этом месте вступили некогда в жестокий бой друг с другом двое братьев, один из которых был королём, и оба погибли от смертельных ран. Кости братьев за долгие века побелели, покрылись мхом и стали неотличимы цветом от окрестных скал. Поэтому Артур, проезжая, их не заметил и наступил на скелет короля. И череп отлетел от хрупкой шеи. А королевская корона соскочила с черепа и, мерцая в лунном свете, скатилась с утёса прямо в озеро. Артур нырнул за короной и, подхватив, надел на голову. И сей же миг услышал голос: «Ты тоже станешь королём!»

А надо сказать, что в той короне было девять бриллиантов, восемь помельче — по бокам и один крупный — в центре. И вот, когда Артур

стал королём, он вынул бриллианты из короны, созвал своих рыцарей и сказал им так:

— Я нашёл эти бриллианты случайно. Значит, они принадлежат не мне, а всему нашему королевству. Посему я принял решение: раз в год мы станем устраивать турнир, где призом будет один из них.

С той поры минуло восемь лет. И восемь раз на турнире выигрывал приз Ланселот. Ибо задумал он, добыв все бриллианты, вручить их королеве Гиньевре, дабы ей угодить.

И наконец наступил девятый год. И конечно, король Артур решил, как всегда, устроить под Камелотом турнир, где призом был последний, самый крупный, бриллиант. Сам Артур и весь его двор в это время находились в Лондоне. Гиньевре в ту пору нездоровилось. Поэтому на вопрос короля, будет ли она присутствовать на турнире, королева ответила: «Нет».

— Тогда вы не увидите и великолепных подвигов Ланселота! — сказал король.

Безучастно посмотрела королева на Ланселота: он стоял рядом с королём. И показалось Ланселоту, что её глаза говорят: «Останься. Я больна. Моя любовь дороже всех этих бриллиантов». И рыцарь, для которого любая прихоть королевы была законом, подчинился и молвил:

— Государь! Мои старые раны ещё не зажили. Дозвольте мне на этот раз не участвовать в турнире.

Король не произнёс ни слова, лишь перевёл удивлённый взгляд с Ланселота на Гиньевру и удалился.

Чуть выждав, королева промолвила:

— Сэр Ланселот, с какой стати вы решили пропустить турнир? Неужели не ясно, наши враги, заметив, что нас нет, тут же скажут: «Пока король вдалеке, Ланселот и Гиньевра милуются друг с другом».

Ланселот понял, что совершил ошибку, и сказал, расстроившись:

— Как же быть? Я не могу изменить своего решения, иначе прослышу лгуном.

— Вы словно ребёнок, далёкий от интриг, — рассмеялась Гиньевра.

— И как только вы ещё меня не потеряли? Послушайте. Мне рассказывали, что многие рыцари, едва вы их касаетесь копьём, тут же падают, ибо знают, что перед ними великий Ланселот. Их побеждаете не вы, а

ваше имя! Поэтому предстаньте на турнире неизвестным рыцарем, возьмите над всеми верх, и тогда, уверена, наш добрый король вас простит. А правда — ни к чему! Скачите же и возвращайтесь с победой!

И оседлал сэр Ланселот коня, и пустился в путь. Но, не желая быть узнанным, поехал по неезженной тропе и вскоре её потерял. Долго плутал он в лесных дебрях, пока наконец вновь не выехал на дорогу, которая, петляя меж холмов, привела его к замку Астолат. У ворот замка висел рог. Ланселот дунул в него, и уже через минуту к рыцарю вышел старый немой слуга. Он провёл Ланселота в гостевой покой и помог снять доспехи. Тут подоспел и хозяин замка в сопровождении двух могучих сыновей — сэра Торра и сэра Лавейна, а следом вошла и дочь хозяина, юная Элейн, которую за её красоту все звали лилеей замка Астолат.

И спросил хозяин замка:

— Скажите, гость мой, кто вы и откуда прибыли?

— Я, — ответил Ланселот, — рыцарь Круглого стола. И еду я из Лондона, из дворца короля Артура. А своё имя я открою вам лишь после того, как состоится бриллиантовый турнир, ибо мне необходимо, чтобы на турнире меня никто не узнал. Вы мне в этом тоже можете помочь, если дадите на время щит без герба или в крайнем случае с чужим гербом. Конечно, если таковой у вас найдётся.

— Есть, есть у нас такой щит, — улыбнулся хозяин замка. — Мой сын Торр был ранен в первом же своём поединке. Поэтому его щит остался без герба. Возьмите его. — И, повернувшись к сыну, спросил: — Надеюсь, ты не станешь возражать?

Торр кивнул, но было видно, что он не слишком-то доволен.

А сэр Лавейн, услышав про турнир, обрадовался и сказал, что ежели благородный рыцарь позволит поехать вместе с ним, то он, пусть даже его не ждёт победа, приложит все старания, чтобы победить.

— Я буду счастлив иметь такого провожатого, как вы, — сказал Ланселот. — И считаю вас теперь своим другом.

Элейн, пока они говорили, глаз не сводила с Ланселота. Его благородные манеры, его надменный вид были неотразимы. Элейн ещё не встречала рыцаря с таким горящим, даже слегка безумным взглядом, с такой внутренней неукротимой силой. Впрочем, по правде говоря, она

кроме своих братьев до этого вообще не встречала рыцарей. Поэтому дева влюбилась в Ланселота со всею страстью, на какую только была способна. И хоть был он старше её не менее чем вдвое, она этого не заметила.

А Ланселот во время ужина словно преобразился. Куда-то подевалась его надменность и появились простота и естественность. От этого он сразу же стал как будто роднее всему семейству. Его старались ублажить отменной едой, вином и пением менестреля. И засыпали кучей вопросов про двор короля Артура и про Круглый стол. Ланселот охотно ответил на все. Лишь когда его спросили про Гиньевру, он, словно не услышав, перевёл разговор на немного слугу, которого встретил у ворот. И хозяин замка рассказал ему, что лет десять тому назад старик попал в руки разбойников. Они-то и лишили беднягу языка.

А потом Ланселот поведал о множестве великих сражений, где он был всегда рядом с королём Артуром. И Элейн внимала ему с восторгом и благоговением.

Чуть позже все разошлись по своим покоям. Дева тоже поднялась к себе в опочивальню на вершине башни, но заснуть ей никак не удавалось. Пред её взором по-прежнему стояло лицо этого удивительного рыцаря. Она представляла его то во время жестокой битвы, то рядом с собой. Сон не приходил, и на заре Элейн придумала, что надо бы спуститься вниз и попрощаться с Лавейном.

Когда она оказалась во дворе, Лавейна там не было, зато был Ланселот, уже готовый к отъезду.

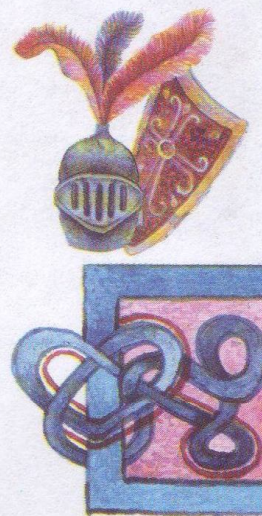
Переборов волнение, Элейн спросила:

— Господин, я не знаю, как вас зовут. Но вижу, что вы благороднейший из благородных. Так не соблаговолите ли надеть на время турнирного поединка мой знак?

— Нет, — ответил Ланселот. — С некоторых пор я ничьих знаков не ношу. Это известно всей моей родне.

— Тогда тем более вы должны его надеть, — сказала она. — Ибо с ним вас уж точно не узнают!

— Дитя моё, вы это неплохо придумали, — усмехнулся Ланселот. — Пожалуй, я надену ваш знак.

Тотчас же Элейн принесла свой знак — пурпурный рукав, расшитый жемчугом. А Ланселот привязал рукав к шлему и сказал с улыбкой:

— Такого я не делал ещё ни для одной женщины!

Лицо девы вспыхнуло от счастья, но вновь побледнело, когда Лавейн, к тому времени появившийся, передал Ланселоту щит без герба, а Ланселот отдал ей свой со словами:

— Пока я не появлюсь, пусть мой щит хранится у вас.

Затем рыцари вскочили на коней и помчались прочь от замка.

А Элейн ещё долго стояла, прислонясь к воротам, и глядела им вслед. Лишь когда угасло за дальними холмами сверкание рыцарских доспехов, она ушла к себе в башню, унося с собою щит Ланселота.

А Ланселот и Лавейн скакали без усталости до тех пор, пока под вечер не оказались возле небольшого монастыря. Монастырь этот вырубил в скале монах-отшельник, бывший рыцарь и друг Ланселота. Там новые товарищи переночевали и на утренней заре помчались дальше. И по дороге Ланселот открыл Лавейну своё имя. Восторгу Лавейна не было границ.

— Великий Ланселот! — раз десять воскликнул он и повторял бы это вновь и вновь, кабы Ланселот не попросил юношу сохранить то, что он сказал, в тайне.

И замкнул Лавейн уста, ибо был истинным рыцарем в душе. И не проронил больше ни слова.

Вскоре рыцари достигли поля близ Камелота, где вот уже восемь лет подряд проводился бриллиантовый турнир. Над полем подобно радуге высились галерея, до отказа забитая людьми. Посреди галереи на золотом троне сидел в красном наряде из парчи король Артур. Голову его венчала корона, которую обвивал золотой дракон, и по подолу его платья полз золотой дракон, и по резному трону со спинки его сползали вниз, на ручки, два золотых дракона. А над тронном, на выступе в стене, покрытом роскошным балдахинном, сверкал последний, самый крупный, бриллиант того неведомого древнего короля.

Тут затрубили трубы, и Ланселот с Лавейном выехали на турнирное поле. Навстречу им помчались, вонзая шпоры в бока своих коней и выставив копыта наперевес, те рыцари, что уже находились на поле в ожидании схватки. Один за другим выступали они против Ланселота. Но никому из

них, ни королям, ни герцогам, ни графам, ни баронам, не удалось взять над ним верх. Лавейн тоже храбро бился и одержал немало славных побед, но, конечно, ему было далеко до Ланселота.

Друзья и родственники Ланселота — а их в тот день было немало и на поле, и на галерее — кипели оттого, что какой-то незнакомый рыцарь совершает подвиги, какие прежде были по силам лишь Ланселоту. И один из них вдруг спросил:

— Кто этот могучий рыцарь? Уж не Ланселот ли он?

— Он не может быть Ланселотом, — сказал другой. — Наш Ланселот ещё ни разу в жизни не носил знака какой-нибудь дамы на турнирах!

— Так кто же это?

Ярость захлестнула родню Ланселота, ибо его родные считали, что незнакомец отнимает у величайшего рыцаря его славу. И вновь ринулись они, выставив вперёд копья и пришпорив коней, навстречу Ланселоту. И ударили по нему единой, мощной волной. И чьё-то острое копье вонзилось в бок его коня, а чьё-то, пробив кирасу, вошло в тело Ланселота и, обломившись, там осталось.

Тут Лавейн совершил благородный поступок. Он сбил одного из рыцарей на землю и привёл Ланселоту его коня. И Ланселот, как ни было ему плохо, вскочил в седло и погнал противников — друзей и родню — к ограде, не давая больше на себя напасть...

На сём и закончился турнир. Затрубили трубы, возвещая победу рыцаря с пурпурным рукавом на шлеме. И все, кто бились на его стороне, закричали:

— Иди, рыцарь, прими бриллиант в награду!

Но Ланселот вздохнул:

— Зачем он мне? Уж лучше бы дали глоток воздуха. Смерть — вот моя награда! Я уезжаю и требую лишь одного: не следуйте за мной!

И он скрылся в тополиной роще вместе с юным Лавейном. Там Ланселот сошёл с коня, сел на траву и, задыхаясь, попросил рыцаря:

— Тяните за конец копья!

— Ни за что! — воскликнул Лавейн. — Если я его вытяну, боюсь, вы умрёте!

— Я и так умираю, — почти беззвучно произнёс Ланселот. — Тяните же!

И потянул Лавейн.

Ланселот страшно закричал, кровь захлестала у него из раны, и он лишился чувств.

Тут вдруг невесть откуда появился монах-отшельник, его друг. Он остановил у Ланселота кровь и отнёс его к себе в монастырь.

Неделю за неделей лежал Ланселот в холодной скальной келье, не зная, выживет или нет. И было ему грустно и одиноко.

Но король Артур о нём не забыл. Видя, что победитель турнира не возвращается, король приказал отправиться на его поиски сэру Гавейну. Более того, Артур передал Гавейну бриллиант с наказом вручить его со словами монаршей благодарности рыцарю, когда тот отыщется.

Меж тем Гавейну совсем не хотелось уезжать. Он мечтал повеселиться на праздничном пиру, что был устроен в честь окончания турнира. Однако с королём не поспоришь. Поэтому Гавейн принял поручение с улыбкой на устах, но с недовольством в сердце.

И оседлал он коня, и пустился в путь. Миновав тополиную рощу, где в скальном монастыре лежал раненый Ланселот, Гавейн безуспешно объехал всю Британию и однажды по лесным тропам добрался до Астолата.

Элейн, узрев рыцаря в сверкающих доспехах, тут же воскликнула:

— Вы из Камелота? Так, может, вам что-нибудь известно о рыцаре с пурпурным рукавом на шлеме?

— Он победил, — ответил сэр Гавейн.

— В этом я не сомневалась, — улынулась дева. — А что ещё вы можете о нём рассказать?

— Ничего, кроме того, что он был ранен в бок и куда-то исчез.

В душе Элейн словно что-то оборвалось. Она как будто сама ощутила холод копья в своём теле, пошатнулась и едва не лишилась чувств.

Гавейн поглядел на деву с изумлением.

В это время вошёл в зал хозяин замка, и Гавейн рассказал ему о своих неудачных поисках.

— Побудьте у нас, — сказал хозяин замка. — Рыцарь, о котором вы рассказали, оставил здесь свой щит. К тому же с ним мой сын. Поэтому они обязательно сюда вернутся.

Гавейн обрадовался предложению, ибо ему очень понравилась Элейн.

